

Митч Элбом Хранитель времени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6893573

Элбом М. Хранитель времени : роман: Азбука, Азбука-Аттикус; С.-Петербург; 2014

ISBN 978-5-389-08227-4

Аннотация

«Хранитель времени» – завораживающая притча о Времени и Человеке. Жизнь – величайший дар, полученный человеком от Бога, – и каждый день, прожитый нами зря, каждая минута, растроченная нами впустую, падают на чашу весов, меряющих человеческие грехи. Цена времени равна цене жизни. Как мы ценим время, так и Тот, кому открыто прошлое и будущее, оценивает жизнь нашу и выносит ей окончательный приговор. И об этом, напоминает нам автор книги, никогда не следует забывать.

Содержание

Пролог	5
1	5
Начало	6
2	6
3	7
4	8
5	10
6	12
7	14
8	16
9	17
10	19
11	20
12	21
13	22
14	23
15	24
16	26
Пещера	27
17	27
18	29
19	31
20	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Митч Элбом

Хранитель времени

*Эта книга о времени посвящается Жанин – той, кто придает
смысл каждой минуте жизни*

Mitch Albom

THE TIME KEEPER

Copyright © 2012 by Mitch Albom, Inc.

All rights reserved

© А. Шультгат, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Пролог

1

Человек сидит в пещере, уткнувшись подбородком в ладони.

Он совсем один.

У него длинные волосы и борода до колен.

Человек закрывает глаза. К чему-то прислушивается. Из озерца в углу пещеры доносятся голоса. Они звучат не умолкая.

Это голоса людей на Земле.

Им нужно лишь одно – время.

Один из голосов принадлежит Саре Лемон. Она совсем еще девчонка, школьница, едва начавшая взрослеть. Растянувшись на кровати, Сара рассматривает фото в мобильнике. На снимке симпатичный мальчик с вихрами кофейного цвета.

Скоро она с ним увидится. Сегодня в половине девятого.

– Восемь тридцать! Восемь тридцать! – возбужденно восклицает девочка.

Что же надеть на свидание? Черные джинсы? Блузку без рукавов? Нет, только не эту. Сара терпеть не может свои руки.

– Мне нужно больше времени, – бормочет она.

В хор вступает Виктор Деламот. Очень обеспеченный и очень пожилой, ему уже за восемьдесят. Он сидит у врача в кабинете. Рядом жена. Смотровой стол покрыт белой бумагой.

– Мы мало что можем сделать, – негромко говорит доктор.

Месяцы лечения не помогли. Опухоль не уменьшилась. Почки не справляются.

Супруга Виктора пытается что-то сказать, но судорожно сглатывает. Он откашливается, как будто у них с женой одно горло на двоих.

– Грейс хочет спросить... сколько времени у меня осталось?

Его слова, как и ропот Сары, воспаряют к далекой пещере. Их слышит сидящий там одинокий бородатый человек. Кто он? Седое Время.

Вы, наверное, думаете, что это миф, забавная картинка с новогодней открытки – эдакий древний изможденный старец, старше всех на планете, который не выпускает из рук песочные часы? Ошибаетесь, Седое Время существует на самом деле и в действительности он не способен стареть. Косматая борода и ниспадающие волнами волосы (это признаки долгой жизни и необязательно близкой смерти) скрывают стройное тело, гладкую, лишенную морщин кожу, неподвластные тому, чем он управляет.

Давным-давно, прежде чем прогневить Бога, Седое Время был обычным человеком, обреченным умереть, когда его дни подойдут к концу.

Теперь же у него иная судьба: сосланный в пещеру, он должен выслушивать обращенные к нему мольбы всего мира – в течение долгих-долгих минут и часов, лет и столетий.

Изгнанник здесь уже целую вечность. Он оставил всякую надежду на избавление. Но часы бьют для каждого из нас – беззвучно, где-то вдалеке. Придет свой срок и для него.

Скоро Седое Время получит свободу. Чтобы вернуться на Землю и завершить начатое.

Начало

2

История о сути и смысле времени началась очень давно, на заре человечества. Ее герои – мальчик и девочка, бегущие босиком вверх по склону холма. Он пытается догнать ее. Между девочками и мальчиками подобное происходит часто.

Для этих двоих так будет всегда.

Мальчика зовут Дор. Девочку – Алли.

Они очень юны, и разница между ними пока едва заметна: у обоих одинаковый рост, высокие детские голоса, густые темные волосы, забрызганные грязью лица.

Алли на бегу оборачивается к Дору и улыбается. Чувство, которое она испытывает, – первое волнение любви. Она хватает камушек и высоко подбрасывает его. Он летит в сторону преследователя.

– Дор! – кричит она.

Гонясь за подругой, мальчик считает вдохи и выдохи.

Он первый человек на Земле, делающий попытки считать, придумывать числа. Начал он с того, что поочередно соединял вместе два пальца и каждому сочетанию придавал наименование и значение. Вскоре он считал уже все, что попадалось ему на глаза.

Дор ласковый, послушный мальчик, при этом мыслит он глубже, чем окружающие. Он не такой, как все.

На раннем этапе истории человечества один, не похожий на других ребенок способен изменить мир.

Именно поэтому Бог за ним наблюдает.

– Дор! – зовет Алли.

Мальчик поднимает глаза и улыбается – он всегда улыбается Алли, – и к его ногам падает камень. Дор склоняет голову набок, и у него возникает мысль.

– Брось еще один!

Алли швыряет камень высоко вверх. Дор загибает пальцы: название для первого, название для второго...

– Аррганп!

Сзади его атакует Ним – мальчик куда более крупный и сильный. Он издает победный клич, упираясь коленом в спину Дора.

– Я царь!

Все трое смеются.

И снова бегут.

... Попробуйте представить цивилизацию, жители которой не следят за временем. Вряд ли у вас это получится. Вы знаете, какой сейчас месяц, год, день недели. На стене вашего дома или на приборной доске автомобиля есть часы. В ежедневнике, в календаре вы отмечаете, когда предстоит пойти на банкет или в кино.

Но окружающий мир не имеет понятия о времени. Птицы не могут опоздать. Собаки не поглядывают на циферблат. Олени не переживают из-за того, что стали на год старше.

Только человек отмеряет мгновения жизни, пристально наблюдает за ходом часов.

Поэтому мы испытываем парализующий страх, неведомый всем прочим существам, – страх, что время истечет.

3

Сара Лемон боится не успеть на свидание. Она выходит из душа и подсчитывает в уме, сколько ей нужно на сборы. Двадцать минут, чтобы высушить волосы феном, полчаса на макияж, столько же на выбор наряда, пятнадцать минут на дорогу.

«Восемь тридцать, восемь тридцать!» – твердит она про себя.

Открывается дверь спальни. Это мать Сары, Лоррейн.

– Милая?

– Мам, тук-тук!

– Ладно. Тук-тук!

Лоррейн окидывает взглядом кровать. На ней разбросаны вещи, из которых Сара собиралась составить подходящий комплект, – две пары джинсов, три футболки, белый свитер.

– Куда ты идешь?

– Никуда.

– С кем-то встречаешься?

– Нет.

– Ну что ж, белый тебе к лицу...

– Мам!

Лоррейн вздыхает, поднимает с пола мокрое полотенце и выходит.

Сара подсакивает к зеркалу. Она пытается увидеть себя глазами мальчика. Надавливает на жировую складку у себя на талии. Брр.

«Восемь тридцать, восемь тридцать!» – мысленно повторяет девочка.

Нет уж, белое она точно не наденет.

Виктор Деламот не в силах сопротивляться панике. Он знает, что дни его сочтены.

Они с женой выходят из лифта и открывают дверь в свой пентхаус.

– Дай мне твое пальто, – говорит Грейс.

Она вешает его в шкаф.

Тишина. Виктор, опираясь на палку, ковыляет по прихожей, которую украшает большой холст французского мастера. Деламота мучает пульсирующая боль в брюшной полости. Ему нужно принять таблетку. Он заходит в кабинет, где стоит огромный стол красного дерева. Повсюду книжные полки, уставленные плакетками.

Виктор вспоминает слова доктора: «Мы мало что можем сделать». Значит, он недолго протянет... Сколько? Месяцы? Недели? И все, ему конец? Нет, такого не может быть.

Раздается стук каблуков – это Грейс расхаживает взад-вперед по кафельному полу. Виктор слышит, как она набирает номер.

– Рут, это я, – говорит жена.

Ясно, она звонит своей сестре.

Грейс понижает голос:

– Мы только что вернулись от врача...

Виктор падает в кресло. Неужели пора подвести итог убывающей жизни? Он чувствует, как каждый выдох исторгается у него из груди с сиплым звуком, словно кто-то выдавливает оттуда воздух. Лицо больного искажается. Глаза его наполняются влагой.

4

Дети вырастают, и судьба указывает им дальнейший путь. Настал черед Дора, Нима и Алли – троих ребятшек, резвившихся на склоне холма.

Ним превратился в высокого широкоплечего юношу. Он с малых лет помогал своему отцу, строителю, подносил ему сырцовые кирпичи, и ему всегда нравилось, что он сильнее сверстников. Власть над другими – вот что влечет его более всего.

Алли удивительно похорошела, и тогда мать посоветовала ей заплетать темные волосы в косу и ходить опустив глаза, дабы ее красота не пробуждала в мужчинах дурных намерений. Скромность стала для Алли защитой.

Ну а Дор?

Что ж... Дор остался верен своему призванию – он измерял количество вещей. Помечал камни, делал зарубки на палках, раскладывал прутики, гальку – все, что можно было посчитать. Думая о числах, он нередко впадал в мечтательное состояние, поэтому старшие братья не брали его с собой на охоту.

Предоставленный самому себе, мальчик бродил по окрестностям, нередко взбираясь на холмы вместе с Алли. Его пытливый разум служил ему путеводной звездой, и тайны мира манили его к себе.

А потом, одним жарким утром, случилось нечто странное.

Дор сидел на кочке, озабоченный тем, чтобы половчее воткнуть в грязь палку. Наконец она встала вертикально. Тень от нее была довольно четкой благодаря ярко светившему солнцу, и взгляд подростка задержался на ней. Дор положил камень на краешек тени и задумался, что-то напевая под нос. Его мысли, как всегда, занимала Алли. Они были друзьями с детства, но теперь он стал выше ее, а она... Весь ее облик излучал такую нежность, что Дор испытывал прилив слабости, когда Алли поднимала глаза и их взгляды встречались. У него прямо ноги подкашивались.

Вдруг его грезы прервало жужжание.

– Ах, – вздохнул он, отмахнувшись от назойливой мухи.

Когда Дор снова взглянул на палку, тень уже не доходила до камня. Мальчик подождал немного, но она стала еще короче, поскольку солнце поднялось выше. Тогда Дор решил оставить все как есть и вернуться сюда на следующий день. Завтра мгновение, когда тень коснется камня, будет... точно таким, как сегодня.

В сущности, подумал Дор, совпадение кончика тени от палки и камня должно повторяться ежедневно. Он решил назвать это мигом Алли, который каждый день будет служить напоминанием о ней.

Дор хлопнул себя по лбу, гордясь своим открытием.

Вот так человек начал вести счет времени.

Муха снова зажужжала над головой Дора. Подросток хотел было ее прогнать, но на сей раз случилось нечто невероятное – она вытянулась в длинную черную полосу, упирающуюся в темное пространство.

Из мрака шагнул старик, закутанный в белое одеяние.

Глаза Дора расширились от ужаса. Он попытался убежать, закричать, но ноги его не слушались, а язык словно присох к гортани.

В руке у старца был золоченый деревянный посох. Он ткнул им в палку, вкопанную Дором, и она поднялась из грязи, превратившись в осиный рой. Осы образовали новую границу темноты, которая раздвигалась, подобно занавесу.

Старик шагнул за этот занавес и исчез.

Дор бросился бежать.

Он никогда никому не рассказывал об этой встрече. Даже Алли.
До тех пор, пока всему не пришел конец.

5

Время можно найти в самом неподобающем месте, например в комод. Сара полезла туда за черными джинсами, а вместо этого в груди вещей у задней стенки выдвинутого ящика обнаружила свои первые часы – фиолетовые «Свотч» с пластиковым ремешком. Родители подарили их Саре на двенадцать лет.

А два месяца спустя они развелись.

– Сара! – зовет ее снизу мать.

– Что? – кричит в ответ дочь.

Когда отец с матерью разъехались, Сара осталась с Лоррейн. У той вошло в привычку обвинять во всех жизненных неурядицах Тома, своего бывшего. Девочка сочувственно кивала. Но каждая из них в глубине души надеялась, что Том когда-нибудь вернется: Лоррейн хотела, чтобы он признал свою вину, а Сара – чтобы он ее спас. Ни того ни другого не произошло.

– Что, мама? – снова кричит Сара.

– Тебе машина нужна?

– Не нужна.

– Что?

– Мне машина не нужна!

– Куда ты идешь?

– Никуда!

Сара смотрит на фиолетовые часы. Они еще идут: сейчас шесть часов пятьдесят девять минут.

«Восемь тридцать, восемь тридцать!» – словно тикает в голове.

Она закрывает ящик и приказывает себе: «Соберись!»

Ну где же, где ее черные джинсы?

Виктор находит время в ящике стола. Он достает свой ежедневник и изучает расписание на завтра. На десять утра намечено заседание правления, в два часа будет селекторное совещание с аналитиками, в восемь вечера предстоит обед с директором бразильской компании, которую Деламот покупает. Хорошо, если хватит сил хотя бы на одну встречу, судя по его нынешнему самочувствию.

Виктор глотает таблетку. Раздается звонок в дверь. Кого это принесло в такой час? Он слышит, как Грейс идет открывать, и бросает взгляд на письменный стол, где стоит их свадебная фотография: оба молодые, здоровые, ни опухоли, ни почечной недостаточности.

– Виктор?

Грейс входит в кабинет, следом появляется большое электрическое инвалидное кресло – его толкает перед собой человек из сервисной компании.

– Что это? – спрашивает Деламот.

Жена вымученно улыбается.

– Мы ведь договорились, помнишь?

– Мне это пока не нужно.

– Виктор...

– Я сказал, не нужно!

Грейс поднимает глаза к потолку.

– Просто оставьте кресло здесь, – говорит она сотруднику фирмы.

– В прихожей, – приказывает Виктор.

– В прихожей, – повторяет Грейс.

Она выходит вслед за посетителем.

Виктор закрывает ежедневник и трет свой живот. Он думает о том, что сказал доктор:
«Мы мало что можем сделать».

Он должен сделать хоть что-то.

6

Пришел день, когда Дор и Алли связали себя брачным обетом. Теплым осенним вечером они обменялись свадебными подарками у алтаря. Волосы Алли покрывала легкая накидка. Окропив голову невесты благовониями, Дор провозгласил: «Она моя жена. Я наполню ее фартук серебром и золотом». Таков был ритуал в те времена.

Волна счастья затопила сердце Дора, когда он назвал Алли женой. Его охватил глубокий покой. С детских лет она была для него как небо – всегда рядом. Только Алли могла отвлечь его от счета. Она приносила ему воды из великой реки, садилась рядом и мурлыкала нежную мелодию, а он прихлебывал из чашки, уставившись вдаль, и время для него текло незаметно.

Теперь они навсегда вместе. Несказанная радость наполняла молодого супруга. Он посмотрел на серп луны, мерцающий сквозь облака, и это мгновение брачной ночи, осиянной волшебным светом, навсегда запечатлелось в его памяти.

У четы родилось трое детей – сын-первенец и две дочери. Семья жила в доме отца Дора, а рядом стояли еще три жилища, выстроенные из лозы и обмазанные глиной. В древности все поколения рода обретались под одной крышей. Сын мог отделиться от родителей лишь тогда, когда ему выпадало счастье разбогатеть.

Однако Дор большого добра не нажил. Он так и не наполнил фартук Алли серебром и золотом. Козы, овцы и быки принадлежали его братьям или отцу, который не упускал случая задать Дору трепку, ведь тот тратил время на свои дурацкие замеры. А мать часто плакала, видя, как сын сгорбился над работой. Ей казалось, что боги создали его хилым.

– И почему ты не похож на Нима? – вопрошала она.

Ним стал могущественным властителем. У него были несметные богатства и множество рабов. Он начал сооружать грандиозную башню, и иногда по утрам Дор и Алли проходили мимо нее вместе с детьми.

– Ты вправду играл с ним, когда был мальчиком? – спросил как-то раз сын у Дора.

Тот кивнул. Алли взяла мужа за руку:

– Ваш отец куда быстрее бегал и ловчее взбирался на холм.

– Мама всегда была впереди всех, – улыбнулся Дор.

Дети засмеялись и стали хватать ее за ноги.

– Если он так говорит, значит это правда, – сказала Алли.

Дор начал считать рабов, работающих на строительстве Нимовой башни, но пришлось остановиться, ибо кончились числа. Он подумал о том, как по-разному сложились их жизни – его и друга детских игр.

В тот же день, чуть позже, Дор сделал зарубки на глиняной дощечке, чтобы отметить путь солнца по небу. Когда дети захотели поиграть с инструментами отца, Алли нежно отстранила их пальчики и поцеловала их.

История об этом умалчивает, но за свою жизнь Дор, пусть иногда поверхностно, занимался всеми способами измерения времени, которые впоследствии наука приписала другим.

Задолго до появления египетских обелисков он научился ловить тени. Греческих клепсидр не было и в помине, когда Дор стал определять время с помощью воды. Именно он изобрел солнечные часы и создал первый календарь.

«Он опередил свое время», – говорят в этом случае.

Это по праву относится к Дору. Он был первым.

Рассмотрим само слово «время».

Мы используем великое множество фраз, в которых оно встречается. Проводить время.
Тратить время. Убивать время. Терять время.

В должное время. Самое время. У вас есть на это время. Беречь время.

Долгое время. Как раз вовремя. Время вышло. Помните о времени. Приходите вовремя.
Уделите время. Засеките время. Тяните время.

Выражений со словом «время» столько же, сколько минут в сутках.

Однако в далеком прошлом для всего этого не было обозначения. Потому что никто не вел счет времени.

Но тут явился Дор.

И все изменилось.

7

Однажды, когда дети Дора и Алли подросли и могли уже самостоятельно бегать по холмам, супругов навестил царь Ним, друг детства.

Он взял в руки чашу. Возле доньшка была маленькая дырка.

– Что это? – спросил Ним.

– Это мерка, – ответил Дор.

– Нет, Дор, – расхохотался царь. – Это просто дырявая посуда. Если ты наберешь в нее воды, она прольется.

Хозяин не стал спорить с гостем. Да и мог ли он? Пока Дор возился с костями и палками, Ним возглавлял набеги на соседние деревни, отбирал у людей имущество, приказывал им следовать за собой.

Этот визит, первый за долгие месяцы, очень удивил Дора – еще бы, его скромное жилище удостоил посещением сам царь. Властитель был облачен в пышную шерстяную мантию, выкрашенную в пурпур, цвет богатства.

– Ты знаешь о башне, которую мы строим? – поинтересовался Ним.

– Ничего подобного я еще не видел, – склонил голову Дор.

– Дружище, это еще только начало. Она вознесет нас к небесам.

– Зачем?

– Чтобы победить богов.

– Свергнуть их?

– Да.

– А потом?

Ним гордо выпятил грудь:

– Потом я буду править землей с неба.

Дор отвел взгляд.

– Присоединяйся к нам, – предложил царь.

– Я?

– Ты умный – я помню это еще с детства. Ты не безумец, как некоторые считают. Твое знание и эти... штуки, – указал он на инструменты, – помогут мне сделать башню более мощной.

Дор пожал плечами.

– Покажи мне, как они работают.

До самого вечера Дор объяснял гостю свои идеи. Он показал Ниму, как тень от палки совпадает с его отметками и как с помощью зарубок на ней разделить день на части. Затем выложил свою коллекцию камней, которыми отмечал фазы Луны.

Царь мало что понял из рассказанного Дором. Он качал головой и настаивал на том, что боги солнца и луны находятся в вечном противоборстве, чем и объясняется их восхождение и падение. Власть – вот что имеет значение. И он, Ним, захватит ее, когда башня будет построена.

Дор слушал, но не мог себе представить, как Ним штурмует облака.

Когда их беседа закончилась, гость схватил одну из палок.

– Это я беру с собой, – сказал он.

– Погоди...

Ним прижал ее к сердцу:

– Сделай другую. Принесешь ее, когда придешь помогать на строительстве башни.

– Я не могу тебе помочь, – прошептал Дор, опустив глаза.

Ним заскрежетал зубами:

– Почему?

– У меня своя работа.

– Делать дырки в чашах? – рассмеялся царь.

– Это далеко не все.

– Второй раз просить не буду.

Дор ничего не ответил.

– Дело твое, – выдохнул Ним и шагнул к порогу. – Но тогда ты должен уехать отсюда.

– Уехать?

– Да.

– Куда?

– Меня это не касается. – Ним разглядывал зарубки на палке. – Советую куда-нибудь подальше. Если останешься, мои люди загонят тебя на башню так же, как остальных.

Царь мимоходом поднял одну из чаш, с маленькой дыркой внутри, перевернул ее и покачал головой.

– Я никогда не забуду наше детство, – сказал он. – Но больше мы не увидимся.

8

У Сары Лемон почти не осталось времени.

Уже двадцать пять минут восьмого. Черные джинсы, которые наконец-то нашлись в стиральной машине, сейчас крутятся в сушильном барабане при самой высокой температуре. С волосами нет никакого сладу, и отчаявшаяся Сара готова их отхватить ножницами. Лоррейн уже дважды заглядывала к ней в комнату, в последний раз она явилась с бокалом вина и принялась давать советы по поводу макияжа.

– Ладно, мам, я поняла, – буркнула Сара, выпроваживая мать.

После мучительных раздумий выбор был сделан в пользу малиновой футболки и черных джинсов (если они когда-нибудь высохнут!). Надо непременно надеть черные сапоги на каблуках, благодаря которым она будет выглядеть выше и стройнее.

В половине девятого они должны встретиться возле магазина на углу.

«Восемь тридцать, восемь тридцать!» – стучит в висках у Сары.

Может, они посидят в кафе или еще куда-нибудь сходят. Это уж как он захочет. До сих пор они виделись только по субботам с утра, да и то мельком – в приюте, где оба работают. Несколько раз Сара намекала, что хорошо бы провести вместе вечерок, и наконец на прошлой неделе он согласился: «Ну ладно, давай в пятницу».

И вот долгожданный день настал. У Сары от волнения мурашки бегут по коже, ведь такие симпатичные парни – не даром девчонки едят его глазами и готовы бегать за ним по пятам! – никогда раньше не обращали на нее внимания. Когда он рядом, Сара мечтает остановить стрелки часов, а вдали от него ей хочется, чтобы мгновения неслись во всю прыть.

Сара смотрит в зеркало:

– Ну что это за патлы!

Время Виктора Деламота истекает.

Часы показывают семь часов двадцать пять минут. На Восточном побережье офисы закрываются, но на Западном – еще работают.

Виктор снимает трубку. Набирает номер учреждения в другом часовом поясе. Просит соединить с исследовательским отделом. В ожидании ответа пробегает глазами по книжным полкам и мысленно подводит итог. Эту книгу читал. А эту нет. И ту не читал...

Даже если Виктор каждую минуту из того срока, что, по словам доктора, ему отпущен, посвятит чтению, он все равно не сможет одолеть все эти тома. А ведь это только один кабинет, в одном доме. Совершенно неприемлемая ситуация. Деламот богат. Он должен что-то предпринять.

– Исследовательский отдел, – возникает на линии женский голос.

– Да, это Виктор.

– Мистер Деламот? – Женщина явно нервничает. – Чем могу помочь?

Виктор думает о кресле, которое заказала Грейс. Так легко он сдаваться не намерен.

– Я хочу, чтобы вы занялись одной темой прямо сейчас. Пришлите мне все, что найдете.

– Конечно. – Сотрудница стучит по клавиатуре. – А какая тема?

– Бессмертие.

9

Вечером после визита Нима Дор и Алли поднялись на холм, чтобы полюбоваться закатом. Они приходили туда каждый вечер. Было приятно напоминать друг другу о днях детства, когда они беззаботно носились по этим склонам. Но на сей раз по пути Дор хранил молчание. Когда они с женой уселись на своем любимом месте, он положил на траву несколько чаш и кувшин воды, которые захватил с собой, и рассказал о разговоре с Нимом. Алли заплакала.

– Куда нам идти? – сквозь слезы спрашивала она. – Это наш дом, наша семья. Как же нам выжить?

Дор опустил глаза:

– Ты хочешь, чтобы я стал рабом на этой башне?

– Нет.

– Тогда у нас нет выбора.

Он протянул ладонь и вытер слезы на щеках жены.

– Я боюсь, – прошептала Алли.

Она обвила его руками и склонила голову ему на плечо. Этот жест любви повторялся каждый вечер и всякий раз бесконечно трогал сердце Дора. Он чувствовал прилив умиротворения, когда жена обнимала его, ему казалось, будто его закутывают в теплое одеяло. Дор знал, что никто другой не будет любить и понимать его так, как Алли. Уткнувшись лицом в ее длинные темные волосы, он вдыхал их родной запах. Столь вольно дышалось ему только рядом с ней.

– Я буду тебя защищать, – прошептал Дор.

Они сидели долго, глядя на горизонт.

– Смотри, – тихо проговорила Алли.

Она не отрывала восхищенных глаз от закатного неба, которое было расцвечено оранжевым, нежно-розовым, клюквенно-красным оттенками.

Дор поднялся.

– Куда ты идешь? – спросила жена.

– Я должен кое-что попробовать.

– Останься со мной.

Но Дор направился к скалам. Он налил воды в маленькую чашу, потом поставил ее на большую. Затем вынул кусочек глины, которым была заткнута дырка в верхней чаше – та самая, что вызвала насмешку Нима, – и вода начала просачиваться через нее с негромкими ритмичными всплесками.

– Дор, – тихо окликнула мужа Алли.

Он не обернулся.

– Дор?

Алли обхватила колени руками. Что будет с ними? Куда они пойдут? Она опустила голову и зажмурила глаза.

Летописец, вероятно, написал бы об этих событиях так: в то мгновение, когда человек изобрел первые в мире часы, его жена сидела в одиночестве и тихо плакала, пока он вел счет времени.

Ту ночь Дор и Алли провели на холме.

Она спала. Он же поборол усталость, чтобы дождаться восхода солнца. Дор наблюдал, как меняется небо – черный цвет ночи сменился фиолетовым, который плавно перетек в нежно-голубой. Потом все озарилось вспыхнувшими лучами, и купол солнца выглянул над горизонтом, точно золотой зрачок открывающегося глаза.

Будь Дор мудрее, он восхитился бы красотой раннего утра и преисполнился благодарности за то, что может созерцать эту дивную картину. Но он полностью сосредоточился не на чуде наступления дня, а на измерении его долготы. Когда солнце взошло, Дор убрал нижнюю чашу из-под верхней, откуда сочилась влага, взял острый камень и сделал насечку, отмечая уровень воды.

Дор пришел к выводу, что это количество жидкости соответствует времени, отделяющему темноту от света. Теперь не нужно будет молить бога солнца о возвращении. С помощью этих водяных часов можно смотреть на то, как поднимается вода, и узнавать о приближении рассвета. Ним заблуждался. Не было никакого противоборства между ночью и днем. Дор заключил то и другое в чашу.

Он выплеснул воду.

Бог видел и это.

10

Сара взволнована. Она спешит вниз по лестнице, поддергивая все еще теплые после сушки джинсы. Ее захлестывает паника. Девочке вспоминается вечер двухлетней давности – одно из немногих в ее жизни свиданий. Она танцевала на зимнем балу с мальчиком, они познакомились на уроке математики. Ладони у него были влажные, а дыхание отдавало солеными крендельками. И что же? Он бросил ее и ушел со своими друзьями. Саре пришлось позвонить матери, чтобы та ее забрала.

Это совсем другое, убеждает она себя. Тот был совсем еще мальчишка, к тому же не без странностей, а этот парень – почти взрослый. Ему восемнадцать. У девчонок в школе он пользуется успехом. Любая из них захотела бы с ним пойти. Ну еще бы, вон он какой симпатичный на фотографии! И этот мальчик встречается с ней, Сарой!

– Когда ты вернешься? – спрашивает Лоррейн.

Она сидит на диване, ее бокал почти пуст.

– Сегодня пятница, мам.

– Я всего лишь спросила.

– Пока не знаю, понятно?

Лоррейн потирает виски:

– Я не враг тебе, дорогая.

– Этого я и не говорила.

Сара кидает взгляд на мобильник. Ей нельзя опаздывать.

«Восемь тридцать! Восемь тридцать!»

Она рывком хватается пальто из шкафа.

Виктора переполняют эмоции. Он барабанит пальцами по столу, дожидаясь ответа от исследовательского отдела. По внутренней связи пробивается Грейс:

– Милый! Ты голоден?

– Разве что слегка.

– Может, съешь тарелочку супа?

Деламот выглядывает из окна. Нью-йоркский пентхаус – один из пяти объектов недвижимости, принадлежащих супругам. Остальные четыре – в Калифорнии, на Гавайях, в Хэмптоне и центре Лондона. Виктор туда не ездил с тех пор, как у него диагностировали рак.

– Да, было бы неплохо.

– Сейчас принесу.

– Спасибо.

За время болезни мужа Грейс стала добрее, нежнее и терпеливее. Но сблизило ли их несчастье? Они женаты сорок четыре года, однако последние десять лет живут словно соседи по квартире.

Виктор снимает трубку, чтобы узнать, как продвигается исследование, и быстро кладет ее на рычаг, когда Грейс приносит суп.

11

Дор и Алли погрузили свои скудные пожитки на осла и отправились на плоскогорье.

Они решили, что детям будет спокойнее у родителей Дора. Алли была безутешна. Она дважды заставляла Дора возвращаться, чтобы еще раз обнять своих ненаглядных. Когда старшая дочь спросила: «Теперь я вместо мамы?» – Алли не выдержала и разрыдалась.

Их новое жилище из тростниковых вязанок было тесным и непрочным, оно не могло устоять под напором ветра, а в дождь крыша неизменно давала течь. Оставшись одни, без родных, супруги могли рассчитывать только на свои силы. Они по большей части кормились тем, что удавалось вырастить, пасли овец и единственную козу, бережно расходовали воду – ее приходилось носить из великой реки, а это был неблизкий путь.

Дор продолжал заниматься измерениями с помощью костей, палок, солнца, луны и звезд. Остальные дела казались ему пустой тратой времени. Алли все больше отдалялась от него. Однажды ночью Дор увидел, как жена, уставившись в пол, нянчит одеяльце, в которое они когда-то пеленали сына.

Иногда их навещал отец Дора, по настоянию своей жены привозивший изгнанникам еду. Рассказывая им новости о доме, он каждый раз упоминал о башне Нима, о том, какой высокой она стала. По его словам, ее сооружали из кирпичей, сделанных с помощью хвои и скрепленных глиняным раствором, добытым из источников в земле Сеннаар¹.

Скоро строительство будет завершено. Ним поднялся на самый верх башни, пустил стрелу в небо и поклялся, что она упала обратно с окровавленным наконечником. Люди склонялись перед царем, веря, что он ранил одного из богов. Вскоре Ним и его лучшие воины достигнут облаков, победят всех, кто попадется им на пути, и он воссядет на небесный трон.

– Ним великий и могущественный правитель, – заявил отец Дора.

Тот опустил глаза. Из-за Нима они ютятся здесь, по его воле не могут каждое утро обнимать детей. А ведь в далекие годы юности он вместе с Дором и Алли взбегал по холмам, был товарищем их веселых игр... Для Дора Ним по-прежнему оставался мальчишкой, который просто хотел быть сильнее всех.

– Благодарю тебя за пищу, отец, – промолвил Дор.

---

¹ Местность в Междуречье, о которой говорится в Ветхом Завете. Согласно Книге Бытия, после Всемирного потопа там поселились потомки Ноя, воздвигшие Вавилонскую башню. – Здесь и далее прим. перев.

12

Однажды к супругам пожаловали гости.

Увидев, что к их дому подходит пожилая пара, Алли поднялась с места. С момента изгнания Дора прошло много месяцев, по нашему календарю больше трех лет, и женщина была рада любому обществу. Она радушно приняла стариков и предложила им перекусить и напиток, хотя воды было так мало, что каждая ее капля казалась драгоценной.

Доброта жены вызывала у Дора гордость. Но его обеспокоил жалкий вид пришельцев. Глаза у них были красные и слезились, а кожу покрывали темные пятна. Дор, улучив минуту, когда они с Алли остались наедине, шепнул:

– Не прикасайся к ним. Боюсь, что они больны.

– Они одиноки и бедны, – возразила Алли. – У них больше никого нет. Прояви к ним милосердие, какого мы были лишены, хотя нуждались в нем.

Алли подала гостям ячменные лепешки и лапшу, немного козьего молока – все, что нашлось в доме. Она выслушала их историю. Как выяснилось, стариков тоже прогнали из родной деревни. Соседи боялись, что темные пятна могут означать проклятие. Отверженные вели кочевую жизнь, ночуя в шатре из козьих шкур. Они брели невесть куда в поисках пропитания и ждали, когда наступит их смертный час.

Старая женщина плакала, рассказывая об этом. Хозяйка лила слезы вместе с ней. Она знала, каково это – потерять свое место в мире. Утерев глаза, Алли поднесла старухе маленькую чашку с водой и держала ее, чтобы та могла прихлебывать.

– Спасибо, – прошептала скиталица.

– Пейте, – сказала Алли.

– Твоя доброта безгранична...

Она потянулась к Алли, чтобы обнять ее. Морщинистые руки старухи дрожали. Алли наклонилась и уткнулась ей в щеку. Она почувствовала, как их слезы смешались.

– Ступайте с миром, – проговорила Алли.

Когда странники уходили, женщина сунула старухе мешок из шкуры с последними ячменными лепешками. Тем временем Дор посмотрел на чашу своих водяных часов и увидел, что белый день от заката отделяет полоска воды шириной с ноготь.

13

Прежде чем измерять годы, надо измерить дни. Ну а первым делом нужно проследить за луной.

Дор занимался этим в изгнании, составляя календарь лунных фаз – полнолуние, первая четверть луны, последняя четверть, новолуние. В отличие от солнца, которое каждый день выглядело одинаково, убывающий и растущий серп давал Дору возможность отмечать эти превращения. Он выдалбливал дырки в глиняных дощечках до тех пор, пока не удостоверился, что сценарий изменений повторяется. Именно эти циклы греки впоследствии назвали месяцами.

Дор обозначил камнем каждое полнолуние. Фазы между ними отметил зарубками на дощечках. Таким образом, он создал первый календарь.

И теперь его дни были сочтены.

Когда фаза луны соответствовала пятой зарубке после третьего камня, Дор услышал, как жена кашляет. Вскоре кашель усилился, и при каждом приступе голова ее резко дергалась вперед.

Сначала Алли делала вид, будто ничего не произошло, и пыталась заниматься повседневными делами в тростниковом доме. Но она настолько ослабела, что однажды упала, пока готовила еду, и по настоянию мужа ей пришлось лечь на одеяло. Ее виски покрылись испариной. Глаза покраснели и заслезились. Дор заметил пятно у нее на шее.

Внутри у него все клокотало от гнева. Он предупреждал ее, чтобы она не прикасалась к гостям, и вот теперь их проклятие передалось ей. Лучше бы эти старики вообще не приходили.

– Что же нам теперь делать? – спросила жена.

Дор промокнул ей лоб одеялом. Он знал, что нужно искать Асу, шамана, который мог бы дать Алли коренья или мазь, чтобы ее болезнь ушла. Но город был слишком далеко. Как он может оставить жену? Они были одни на этом плоскогорье, отрезанные от всего мира.

– Спи, – прошептал Дор. – Скоро ты пойдешь на поправку.

Алли кивнула и закрыла глаза. Она не видела, как муж смахивает слезы.

14

«Время, замедли свой ход», – умоляет Сара.

Она выскальзывает из дома и спешит на улицу. Представляет себе мальчика с волосами кофейного цвета. Воображает, как он приветствует ее внезапным, сбивающим с ног поцелуем.

Сара оглядывается и видит свет в спальне Лоррейн. С нее, пожалуй, станет открыто окно и крикнуть что-нибудь вслед на весь квартал. Девочка ускоряет шаг. Подобно многим сверстницам, она ужасно стесняется матери. Та слишком много говорит. Перебарщивает с макияжем. Постоянно делает замечания: «Не горбись! Приведи волосы в порядок!» – или жалуется друзьям на отца Сары, который давно уже не живет в этом штате. «Том сделал это. Том забыл то. Том снова тянет с отправкой чека». Раньше мать и дочь были почти подругами, но в последнее время между ними воцарилось взаимное непонимание; похоже, они стали друг другу мешать. Вот поэтому Сара больше не рассказывает Лоррейн о своих отношениях с мальчиками. Впрочем, до сегодняшнего дня и обсуждать было особенно нечего.

«Восемь тридцать, восемь тридцать!» – повторяет девочка.

Вдруг она слышит сигнал. Это ожил ее сотовый. Она выхватывает его из кармана пальто.

«Время, поторопись», – мысленно стонает Виктор.

Прошел уже час, а он привык к быстрым ответам. И ему ничуть не легче из-за того, что вокруг все в прямом смысле тикает. Идут каминные часы, стоящие на столе. Мелькают секунды на мониторе компьютера. Мобильник, рабочий телефон, принтер и DVD-плеер – все эти устройства снабжены электронными часами. На стене висит деревянное панно с тремя циферблатами, показывающими время в трех часовых поясах, – Нью-Йорке, Лондоне, Пекине, где находятся главные офисы одной из компаний, принадлежащих Виктору.

В общей сложности в кабинете девять разных механизмов, отсчитывающих время.

Звонит телефон. Наконец-то.

– Да? – бросает в трубку Виктор.

– Я отправляю вам факс.

– Хорошо.

Виктор дает отбой. Входит Грейс:

– Кто звонил?

– Кое-что нужно для завтрашних встреч, – лукавит он.

– Ты должен пойти?

– А почему нет?

– Просто я подумала...

Она замолкает. Кивает. Уносит тарелки на кухню.

Раздается звонок факсимильного аппарата, и Виктор подвигается ближе, глядя, как идет факс.

15

Дор лежал на земле рядом с женой и смотрел на звезды, заполонившие небо.

Прошло уже много дней с тех пор, как Алли ела в последний раз. Ее кожа то и дело покрывалась испариной, а затрудненное дыхание приводило мужа в отчаяние.

«Пожалуйста, не покидай меня», – думал Дор.

Без Алли мир становился невыносимым. Днем и ночью она была верной опорой своему мужу, его единственным собеседником. Только Алли могла вызвать улыбку на его устах. Приготовив скудное угощение, она всегда предлагала Дору попробовать первым, даже если он настаивал, чтобы сначала поела она. Супруги прижимались друг к другу на закате. Когда Дор обнимал жену в постели, ему казалось, что это последняя ниточка, связывающая его с человеческим родом.

У Дора всего и было, что инструменты измерения времени да Алли. В этом вся его жизнь. Сколько он себя помнил, Алли всегда была рядом, с самого детства.

– Я не хочу умирать, – прошептала жена.

– Ты не умрешь.

– Я хочу быть с тобой.

– Ты со мной.

Она кашлянула кровью. Он ее вытер.

– Дор...

– Да, любовь моя.

– Попроси богов о помощи.

Дор сделал, как просила Алли. Он всю ночь не сомкнул глаз и молился так, как никогда прежде. В прошлом он верил в меры и числа. Теперь же он обращался к высшим богам, тем, что господствовали над солнцем и луной. Пусть они остановят бег светил, чтобы мир оставался во тьме и вода в часах перелилась через край. Тогда у Дора появится время, и он найдет Асу, который может вылечить его любимую.

Он раскачивался взад и вперед. Шепотом повторял: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», плотно зажмурив глаза, – ему казалось, что так его мольбы становятся чище. Но, позволив векам чуть-чуть разомкнуться, он увидел то, чего опасался: едва заметную смену оттенков на горизонте. Увы, вода в чаше почти достигла отметки, означавшей начало дня. Дор убедился, что его замеры точны, и возненавидел эту точность, проклиная свои знания и богов, оставивших его.

Дор склонился над женой – ее лицо и волосы намокли от пота, и он прижался к ней, своей кожей к ее коже, своей щекой к ее щеке, и его слезы смешались с ее слезами, когда он прошептал:

– Я остановлю твои страдания. Я все остановлю.

Но когда поднялось солнце, Дор не смог разбудить Алли.

Он тряс ее за плечи, тербил за подбородок.

– Алли, – бормотал он. – Алли... жена моя... открой глаза.

Она лежала неподвижно, вяло откинув голову, дыхание было совсем слабым. Дора захлестнул мощный прилив ярости. Первобытный вой, поднимавшийся откуда-то из глубин его тела, разом прорвался через легкие:

– А-а-ахх...

Его вопль несся в пустом воздухе над плоскогорьем.

Он встал – медленно, словно в трансе. И побежал.

Дор бежал под утренним небом и под полуденным солнцем. Мчался так, что у него обожгло легкие, пока наконец не увидел ее.

Нимову башню.

Она была очень высокой; ее вершину скрывали облака. Дор бросился к ней, одержимый последней надеждой. Прежде он наблюдал за временем, измерял и анализировал его, считал дни и составлял календари, а теперь твердо решил достичь того единственного места, где время можно изменить.

Он дотянется до небес. Заберется на башню и сделает то, чего не смогли боги.

Он заставит время остановиться.

Башня возвышалась в виде пирамиды, построенной уступами, ее ступени предназначались для блистательного восхождения Нима. Никто не осмеливался ступить на них. Некоторые мужчины даже опускали глаза, проходя мимо. Когда Дор приблизился к подножию сооружения, несколько стражников мельком взглянули на него, но никто из них и представить не мог, что задумал этот оборванец. Они и опомниться не успели, как Дор уже несся вверх по царской лестнице. Рабы смотрели на него в замешательстве. Кто этот человек? Разве он принадлежит к числу избранных? Один что-то крикнул другому. Несколько человек побросали инструменты и кирпичи.

Вскоре рабы устремились за Дором, уверенные, что гонка к небесам началась. За ними кинулись стражники. К ним присоединились случайные прохожие, оказавшиеся рядом с подножием башни. Жажда власти – вещество огнеопасное, и вскоре уже тысячи людей взбирались по фасаду мощного строения. Слышался нарастающий рев, согласный клич свирепых завоевателей, готовых взять то, что им не принадлежит.

Последующие события стали предметом споров.

Из истории нам известно, что Вавилонская башня была не то разрушена, не то заброшена. Но человек, впоследствии ставший Седым Временем, мог представить иные свидетельства, потому что именно в тот день решила его судьба.

Когда толпы бросились на приступ башни, раздался грохот. Кирпичи раскалились до ярко-красного цвета. Послышался раскат грома, и тут подножие гигантского сооружения расплавилось. Вершина вспыхнула огнем. Средняя часть башни повисла в воздухе, опровергая все представления, когда-либо существовавшие у человечества. Те, кто хотел достичь небес, полетели вниз, словно снег, который стряхнули с ветки дерева.

Несмотря на все это, Дор продолжал подниматься, пока в конце концов не оказался единственной фигурой, цеплявшейся за ступени. Он рвался вверх, преодолевая головокружение, боль, ломоту в ногах и стеснение в груди. Ему приходилось останавливаться на каждой ступени, чтобы устоять в водовороте тел. Перед ним мелькали руки, локти, ноги, волосы.

Легионы были сброшены с башни в тот день, а их речь раздробилась на множество языков. Эгоистичному плану Нима пришел конец еще до того, как он смог выпустить в небо вторую стрелу.

Только одному человеку было позволено совершить восхождение сквозь туман, лишь он добрался до вершины, словно его поддерживали под руки, и... приземлился на пол в каком-то темном и глубоком месте – месте, которое никогда не существовало и которое никто и никогда не смог бы найти.

16

Это скоро произойдет.

У береговой линии океана появляется мальчик на доске для серфинга. Он нажимает на нее пальцами ног и взлетает на пенистый гребень.

Волна замирает. Мальчик тоже.

Парикмахерша стрижет клиентку. Она откидывает назад пучок волос, примеривается и щелкает ножницами. Слышится слабый хруст.

Отрезанные пряди падают на пол и останавливаются в воздухе.

В музее на Хуттенштрассе, что находится в немецком городе Дюссельдорфе, охранник замечает посетителя странного вида. Худой, длинноволосый, он подходит к выставке старинных часов. Открывает стеклянную витрину.

– Будьте... – начинает музейный служащий, грозя пальцем, но вдруг размякает, становится заторможенным, погружается в грезы.

Ему чудится, что человек поочередно достает из витрины часы, изучает их, разбирает на части, а потом собирает вновь, что, по идее, потребовало бы многих недель.

– ...любезны не... – хочет договорить охранник, очнувшись от видений.

Но посетителя уже и след простыл.

Пещера

17

Дор проснулся в пещере.

Было темно, но он каким-то образом различил, где находится. Под ногами вздымались каменные глыбы, а с потолка в него целились зазубренные острия.

Потирая локти и колени, Дор задумался. Жив ли он? Как он сюда попал? Забираясь на башню, он испытывал жуткую боль во всем теле, но теперь она совсем прошла. И дышать было уже не тяжело. В сущности, когда он дотрагивался до своей груди, дыхание еле ощущалось.

На мгновение ему показалось, что он в чертоге богов, но Дор тут же вспомнил о телах, сброшенных с высоты, о плавящемся подножии башни, об обещании, которое он дал Алли. «Я остановлю твои страдания», – поклялся он тогда.

Ноги его подкосились. Он потерпел поражение, ему не удалось прервать ход времени. Зачем он покинул жену? Зачем бежал?

Дор зарылся лицом в ладони и заплакал. Слезы просачивались сквозь его пальцы, окрашивая каменные плиты переливами голубого цвета.

Трудно сказать, как долго он предавался горю.

Когда Дор наконец поднял глаза, то увидел фигуру, сидящую перед ним, – это был старик, который являлся к нему в детстве; теперь он опирался подбородком на золоченый деревянный посох. Он наблюдал за Дором с особенным выражением – так отец смотрит на спящего сына.

– Тебе нужна власть? – спросил пришелец.

Дор никогда прежде не слышал такого голоса: он был приглушенным, слабым, как будто его обладатель заговорил впервые.

– Я хочу всего лишь, – прошептал Дор, – остановить солнце и луну.

– А-а-а, – усмехнулся старик. – Но разве это не власть?

Он ткнул посохом в сандалии Дора, те мгновенно развалились, и он остался босым.

– Ты верховный бог? – удивился Дор.

– Я всего лишь Его слуга.

– Он владыка смерти?

– Тебя спасли от нее.

– Для того, чтобы я умер здесь?

– Нет. В этой пещере ты не состаришься ни на миг.

Пристыженный Дор отвел глаза:

– Я не заслуживаю такого подарка.

– Это не подарок, – ответил старик.

Он встал, держа посох перед собой.

– Ты кое-что начал, пока был на Земле. Нечто такое, что изменит всех, кто придет вслед за тобой.

Дор покачал головой:

– Ты ошибаешься. Я маленький человек, изгнанник.

– Мало кому дано постичь собственную власть, – произнес старик.

Он ударил посохом оземь. Дор моргнул. Перед ним появились все его орудия и инструменты – чашки, палки, камни и дощечки.

– Ты кому-то отдал один из этих предметов?

Дор вспомнил о палке, с помощью которой отслеживал движение солнца.

– Его у меня забрали, – сказал он.

– Теперь будет много других. Если желание вести счет возникло у одного из вас, оно уже не утихнет и будет сильнее, чем ты можешь себе представить. Вскоре человек сможет исчислять века, разделить день на мелкие части, а затем на еле уловимые доли – до тех пор, пока счет не поглотит его целиком и чудо мира, подаренного ему, не будет утрачено.

Старец еще раз ударил посохом по камням пещеры, и инструменты Дора превратились в пыль.

– Зачем ты измеряешь долготу дней и ночей? – прищурился кудесник.

– Чтобы знать это, – ответил Дор, отводя взгляд.

– Знать именно это?

– Да.

– И что же ты знаешь... о времени? – допытывался старик.

Дор покачал головой. Никогда раньше он не слышал этого слова. Что же ответить на этот вопрос?

Колдун выставил костлявый палец и сделал вращательное движение. Следы от слез Дора стянулись в голубое озерцо на каменном полу.

– Узнай то, чего не знаешь, – сказал старик. – Научись понимать, что проистекает из твоих подсчетов.

– Как? – спросил Дор.

– Прислушивайся к страданиям, которые от этого возникают.

Он нагнулся и прикоснулся рукой к влажным дорожкам, оставшимся от пролитых слез. Они стали жидкими и заблестели. Маленькие облачка дыма возникли над их поверхностью.

Дор наблюдал, смущенный и ошеломленный. Он мечтал об одном – вернуть Алли, но ее больше не было.

– Пожалуйста, позволь мне умереть, – попросил он сдавленным шепотом. – Я не хочу жить.

Кудесник поднялся:

– Не тебе решать, сколько будут длиться твои дни. Об этом ты тоже узнаешь.

Он сложил вместе руки и вдруг стал ростом с ребенка, потом с грудного младенца, еще больше уменьшился в размерах и взмыл в воздух, как пчела в полете.

– Подожди! – закричал Дор. – Долго ли я буду здесь томиться? Когда ты вернешься?

Съежившаяся фигура старика достигла потолка пещеры и прорезала щель в скале. Оттуда упала одинокая капля воды.

– Когда небо встретится с землей, – сказал колдун и исчез.

18

У Сары Лемон были очень хорошие оценки по естественным наукам.

«И что мне это, в сущности, дает?» – нередко спрашивала она себя.

Основания для такого вопроса у нее были. В старших классах самое главное – популярность, и зависит она главным образом от того, как ты выглядишь. Если для Сары экзамен по биологии был плевым делом, то собственное отражение в зеркале вовсе ее не радовало, да и окружающим она вряд ли казалась привлекательной: у нее были слишком широко посаженные карие глаза, сухие вьющиеся волосы, щербинка между зубами, рыхлая фигура. Увы, ей так и не удалось сбросить вес, набранный после развода родителей. Она морщилась, разглядывая свои полноватые руки и грудь, и не без горечи резюмировала: «А зад еще толще».

Поэтому, когда одна из подруг матери сказала, что «Сара, возможно, станет привлекательной, когда вырастет», девочка только фыркнула. Эти слова прозвучали для нее весьма сомнительным комплиментом.

В выпускном классе Саре Лемон исполнилось семнадцать лет, и была она, по мнению большинства ребят, слишком умной или чересчур странной, а может, и такой и этакой. Учеба не представляла для нее ни сложности, ни интереса; обычно Сара садилась у окна, чтобы бороться со скукой. Нередко она рисовала в записной книжке автопортреты с надутыми губками, закрываясь локтем, чтобы остальные не видели.

Сара в одиночестве ела свой ланч, возвращалась домой без попутчиков и проводила вечера дома с матерью. А когда Лоррейн уходила потрещать с подругами (эти встречи Сара именвала «клуб разведенок»), девочка ужинала одна, сидя за компьютером.

По оценкам она шла третьей в классе и ждала возможности досрочно подать документы в ближайший государственный университет – средств у Лоррейн хватало только на него.

Благодаря подготовке к поступлению Сара и познакомилась с Итаном.

Высокий, худой, с сонными глазами и густыми волосами кофейного цвета, он тоже учился в последнем классе школы. Итан любил и умел быть в центре внимания, друзей и подруг у него было хоть отбавляй. Участие в команде по легкой атлетике и в музыкальной группе прибавляло ему популярности. В астрономической системе старших классов Сара никогда не смогла бы выйти на его орбиту.

Но по субботам Итан разгружал грузовики с едой в приюте для бездомных – там же, где Сара подрабатывала волонтером. Дело в том, что для поступления в университет требовалось написать эссе о «важном опыте общественной работы». Сара не знала, как подступить к такому заданию, поэтому, чтобы честно выполнить его, предложила свои услуги приюту, и там ее охотно приняли. По правде говоря, большую часть времени она проводила на кухне, наполняя пластиковые миски овсянкой. Рядом с людьми, лишенными крова, Сара чувствовала себя крайне неуютно. Ну что им может сказать какая-то девчонка из пригорода, в пуховике и с айфоном? «Мне очень жаль»?

И тут появился Итан. Сара заметила его в первый же день. Он стоял рядом с грузовиком (фирма, поставлявшая продукты в приют, принадлежала дяде мальчика). Итан тоже обратил на девочку внимание, должно быть, потому, что здесь больше не было их ровесников. Швырнув коробку на кухонный стол, он кивнул Саре: «Привет, как делишки?»

Она ухватилась за эту фразу, как за сувенир. «Привет, как делишки?» Его первые слова, обращенные к ней, звучали для нее музыкой.

Теперь они общались каждую неделю. Как-то раз она взяла с полки и предложила ему пачку крекеров с арахисовым маслом, но мальчик сказал: «Не-а, не хочу отбирать еду у нищих». Это показалось Саре чудесным, даже благородным.

Она вообразила, что Итан послан ей судьбой, – девочкам свойственны подобные иллюзии. Вдали от школы с ее неписаными правилами насчет того, с кем можно говорить на равных, Сара держалась более уверенно. Она меньше сутулилась, вместо футболок с социальными посланиями иногда надевала открытые, женственные блузки и краснела, когда Итан подмигивал: «Хорошо выглядишь сегодня, Лемон-ад».

Шли недели, и Сара осмелела достаточно, чтобы поверить: Итан чувствует к ней то же, что и она к нему. Они не могли случайно оказаться рядом в столь неожиданном месте. Сару в свое время впечатлили «Задиг, или Судьба» Вольтера и «Алхимик» Коэльо, и она была свято убеждена, что встреча с Итаном предначертана свыше. На прошлой неделе, набравшись храбрости, девочка спросила, не хочет ли тот куда-нибудь сходить вместе. И надо же, Итан ответил: «Ну ладно, давай в пятницу».

И вот наступила пятница. Приближался час свидания: восемь тридцать! Сара пыталась взять себя в руки. Она знала, что не следует так переживать из-за мальчика. Но Итан не такой, как все. Он сломал привычные для нее стереотипы.

В малиновой футболке, черных джинсах и на каблуках Сара неслась вперед и была всего в двух кварталах от большого события в ее жизни, как вдруг ее мобильный пропищал «ба-да-бип». Пришла эсэмэска.

У нее екнуло сердце.

Сообщение было от него.

19

В рейтинге ведущего делового издания Виктор Деламот занимал четырнадцатое место среди самых богатых людей мира.

Фотография в журнале была старая: Виктор сидит, опираясь тяжелым подбородком на руку, на румянном лице играет задумчивая улыбка. В статье говорилось, что «этот сдержанный человек с густыми бровями, магнат индустрии хедж-фондов» был единственным ребенком в семье, что родился он во Франции, приехал в Штаты и осуществил американскую мечту, проделав путь в буквальном смысле из грязи в князи.

Но поскольку Деламот отказался давать интервью (он старался избегать публичности), некоторые подробности его детства были опущены. В частности, никто не знал, что, когда Виктору было девять лет, его отец, водопроводчик, был убит в драке в прибрежной таверне. Несколько дней спустя мать Виктора ушла из дому и прыгнула с моста. Когда ее нашли, на ней была только ночная рубашка кремового цвета.

Меньше чем за неделю Виктор стал сиротой.

Его посадили на корабль, который шел в Америку. Там его должен был встретить дядя. Будет лучше, считали многие, если мальчик поселится в стране, где меньше теней прошлого. Впоследствии Виктор полагал, что своей финансовой философией он обязан именно тому путешествию через океан. Не успел он освоиться на судне, как его мешок с едой – тремя буханками хлеба, четырьмя яблоками и шестью картофелинами, уложенными бабушкой, – был сброшен в воду какими-то хулиганами. В ту ночь мальчик оплакивал потерю, зато, как признавался потом, он получил полезный урок: если за что-то цепляешься, это может «только разбить тебе сердце».

Поэтому Виктор избегал привязанностей, что было ему на руку во время финансового восхождения. Старшеклассником в Бруклине на деньги, скопленные благодаря летним заработкам, он приобрел два автомата для игры в пинбол и установил их в местных барах. Он продал их восемь месяцев спустя и на вырученную сумму купил три автомата по продаже конфет. Затем он удачно сбыв их в обмен на пять автоматов по продаже сигарет. Виктор продолжал покупать, продавать, вкладывать средства и к моменту окончания колледжа возглавил компанию по торговле через автоматы. Вскоре он купил бензоколонку и таким образом вышел на нефть. Спустя некоторое время молодой бизнесмен совершил несколько удачных сделок по приобретению нефтеперегонных заводов, благодаря чему стал просто фантастически богат.

Свои первые сто тысяч долларов Виктор отдал американскому дяде, который его вырастил. Все остальное он снова пустил в дело. Деламот приобретал агентства по продаже машин, инвестировал в недвижимость и наконец начал покупать банки – сперва небольшой в штате Висконсин, потом еще несколько. Инвестиционный портфель Виктора стремительно рос, и тогда он основал фонд для тех, кто хотел освоить его бизнес-стратегию. За годы своего существования его детище стало одним из наиболее дорогостоящих фондов мира, что никак не мешало его популярности.

Свою будущую жену Виктор повстречал в лифте.

Это случилось в 1965-м. Виктору было сорок. Грейс тридцать один. Она работала бухгалтером в его фирме; на ней были скромное платье с набивным рисунком, белый свитер и нитка жемчуга. На белокурой головке – укладка с начесом. Мило и в то же время практично. Виктору это понравилось. Он кивнул, когда двери лифта закрылись, а Грейс опустила глаза, смущенная тем, что оказалась так близко к начальнику.

Виктор пригласил ее на свидание, послав ей письмо по внутренней почте. Они пошли обедать в частный клуб и проговорили несколько часов. Грейс рассказала, что сразу по окон-

чании школы она вышла замуж. Корейская война сделала ее вдовой, и она с головой ушла в работу. Виктору это было понятно.

Они сели в лимузин и поехали к реке. Гуляли под мостом. Впервые поцеловались на скамейке, с которой открывался вид на Бруклин.

Через десять месяцев после встречи в лифте их обвенчали в присутствии четырехсот гостей, причем со стороны невесты было двадцать шесть человек, а остальные являлись деловыми партнерами жениха.

Поначалу молодожены много времени проводили вместе: играли в теннис, ходили в музеи, ездили в Палм-Бич, Буэнос-Айрес, Рим. Но по мере того как бизнес Виктора рос, общих занятий у них становилось все меньше. Он стал путешествовать в одиночестве, работая в самолете, и зачастую предпочитал заниматься делами вдали от дома. Супруги забыли теннис и все реже посещали художественные галереи. У них не было детей, о чем Грейс сожалела и долгие годы твердила об этом мужу. Чтобы не касаться болезненной темы, они старались уходить от долгих разговоров. Но это была лишь одна из причин взаимного охлаждения.

Со временем у них появилось ощущение, что в их браке что-то упущено. Грейс досадовала на нетерпеливость Виктора, на его склонность поправлять людей, привычку читать во время еды, готовность прервать любую встречу ради делового звонка. Деламот отмахивался от придирок жены, что она считала большим пренебрежением. В свою очередь, его раздражала нерасторопность Грейс, тратившей слишком много времени на сборы. Он каждый раз нервничал, поглядывая на часы. Супруги вместе пили утренний кофе и иногда ужинали в ресторанах, но, по мере того как их состояние выросло, подобно столбикам фишек в казино, – множество домов, частные самолеты, – жизнь четы Деламот все больше походила на исполнение долга. Жена играла свою роль, муж – свою.

Ничего не менялось до тех пор, пока для Виктора все вопросы не померкли перед одним: как избежать смерти?

Ему исполнилось восемьдесят шесть. Спустя четыре дня он посетил онколога в нью-йоркской больнице, и тот подтвердил, что рядом с печенью пациента обнаружена опухоль размером с мячик для гольфа.

Виктор изучил все возможности лечения. Он всегда боялся, что проблемы со здоровьем могут поставить под угрозу его успех, и не жалел денег, чтобы найти способ исцеления. Он летал к лучшим специалистам. У него была целая команда медицинских консультантов. Но прошел почти год, а результаты, несмотря на все усилия, были неутешительными. Сегодня с утра Виктор и Грейс побывали у главного врача. Жена попыталась задать ему вопрос, но не смогла произнести ни слова.

– Грейс хочет спросить... – пришел к ней на помощь Виктор, – сколько времени у меня осталось?

– По самым оптимистичным прогнозам, – ответил доктор, – пара месяцев.

Смерть уже стучалась в дверь.

Но ее ждал сюрприз.

20

Чей-то голос произнес: «Дольше».

– Кто там? – крикнул Дор.

Он пытался сбежать с того самого момента, как старик покинул пещеру, – безуспешно искал лазейки, колотил по карстовым стенам. Даже хотел нырнуть в озеро слез, но его отбрасывала шедшая оттуда волна воздуха, как будто из глубины поднималось дыхание миллионов существ.

И вдруг – этот голос.

– Дольше, – умолял он.

Дор видел только облачка белого дыма над поверхностью озера и яркий бирюзовый блеск.

– Покажись!

Ничего.

– Ответь мне!

Внезапно звук повторился. Всего одно слово. Тихая, едва слышная, приглушенная молитва, проникнувшая сквозь толщу камня.

– Дольше.

«Что это значит?» – недоумевал Дор.

Припав к земле, он смотрел на поблескивающую воду – одинокий человек, отчаянно жаждущий услышать голос другой души.

Тут раздался второй голос, явно принадлежащий женщине. Она просила: «Еще». Ей вторил третий, голос мальчика. Тихие мольбы зазвучали вперемешку. Четвертый упоминал о солнце. Пятый говорил о луне. Шестой шепотом повторял «еще, еще», седьмой просил «лишь один день», а восьмой заклинал: «Продолжай, продолжай».

Дор теребил свою бороду, ставшую непослушной, подобно его волосам. Несмотря на то что он жил в заточении, его организм работал нормально. Он насыщался без пищи. Набирался сил без сна. Устав сидеть, Дор прохаживался по пещере и подставлял пальцы под воду, медленно капающую сквозь щель в потолке.

Но он не мог избавиться от голосов, доносящихся из поблескивающего озера. Они просили, умоляли – днями, ночами, при солнце, при луне, часами, месяцами, годами. И даже если Дор зажимал уши руками, голоса звучали так же громко.

Вот так, сам того не сознавая, он начал отбывать свое заключение... Ему приходилось выслушивать мольбу каждой души, которой не хватало того, чему Дор только что нашел определение. Эта неосознанная мера уводила человека от простого света его существования в темную глубину собственной одержимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.